

УДК 111:81 (045)

*А.А. Шадрин***КОНЦЕПТ «ТОЧКИ ЗРЕНИЯ» В ПЕРСПЕКТИВЕ ВОПРОСА О ГЕНЕЗИСЕ ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются лингвистическая и онто-лингвистическая (Л.С. Липавский) «точки зрения» на устройство языка в аспекте проблемы глоттогенеза. Анализируется понятие языкового факта, эксплицируется его двойное смысловое измерение. Сопоставляются лингвистические и философские представления о языковом единстве. Задействуется лейбницеvский концепт «точки зрения» в его прочтении Ж. Делезом. Онто-лингвистический концепт «Теории слов» Л.С. Липавского включается в диалог с «точками зрения» на автономию языка Ж. Делеза и М. Хайдеггера. Языковой континуум мыслится как самодостаточное автономное образование, субстанциальному единству которого соответствует постулат тождества природы творящей (*natura naturans*) и природы сотворенной (*natura naturata*) Спинозы. Осевой каркас статьи опирается на три тезиса Ж. Делеза: «всесилие языка состоит в том, чтобы говорить о словах», «именно языку надлежит одновременно и устанавливать пределы, и преступать их» и «язык либо дан весь целиком, либо его нет вообще».

Ключевые слова: язык, языковой факт, концепт, «точка зрения», «индивидуальное понятие», конструкт, глоттогенез, «треугольник исходных значений», «силовые линии», энергия, дар, судьба.

По утверждению Ж. Делеза, «всесилие языка состоит в том, чтобы говорить о словах» [3. С. 49]. «Теория слов» Л.С. Липавского *говорит* о словах и в то же время о языке в целом, или применительно к языку в целом. Целостность языка концептуализируется и предьявляется в вопросе о его генезисе. – Предоставляет ли язык подсказку о своем происхождении, знает ли, помнит ли *сам* о собственном истоке? Поскольку язык и его исток взаимопринадлежны, неотделимы друг от друга, языковой континуум может и должен мыслиться как самодостаточное автономное образование, искомое начало которого, всегда-уже развернутое во времени и пространстве, прочитывается и/или реконструируется во множественности собственных «ставших» состояний, проецируемых из точки настоящего. Автономия языка возможна лишь в представлении о его субстанциальном единстве, каковому в философской – нововременной – традиции соответствует спинозистский постулат тождества природы творящей (*natura naturans*) и природы сотворенной (*natura naturata*).

Применительно к *истории значений* «ставшие» языковые состояния в «Теории слов» дискурсивно воплощаются в трех онто-лингвистических «складках»: *проекция на жидкость*, *проекция на мускульное усилие* и *проекция на вещи, действия и свойства* [6. С. 64-67]. Так, по мысли Л.С. Липавского, проявляется общая тенденция к постадийному «затвердеванию», «окаменению» языка, характеризующая его «судьбу». «Окаменение» не означает «смерти», «омертвления» языка или его окончательной завершенности, но указывает на то, что *предметность* и *ассоциативность*, определяющие современное развертывание языкового производства, уже оторвались от внутренне присущих – имманентных – языку законов, утратили чувствительность к ним [6. С. 78-79]. Поиском языковых законов – общих и частных – занята лингвистика, для которой язык предстает объектом рефлексии исследователя, принадлежащего, как правило, к определенной лингвистической школе, или традиции. Понятие *фонетического закона*, открытое сравнительно-историческим языкознанием в XIX в., послужило началом «математизации» и/или «алгоритмизации» лингвистики. Отныне сами понятия *закона* и *закономерности* стали для нее столь же значимы, как для математики (диахрония как языковая мера времени), геометрии (синхрония, лингвистическая география) и естествознания.

Вместе с тем, существование языка-объекта в лингвистике целиком очерчивается с определенной позиции, занимаемой исследователем. В структурной лингвистике Ф. де Соссюра она именуется *точкой зрения* и выражается в исходном принципе исследования. Аксиома исходного принципа не доказывается, но утверждается в качестве постулата, позволяющего сравнивать языковые состояния и выделять элементы структуры языка. Сходства и различия между ними устанавливаются на основании выбранного принципа, или постулата о тождествах / различиях. Через сравнение различных состояний и структурных элементов идентифицируются языковые факты, которые затем упорядочиваются и интерпретируются.

Понятие языкового факта предполагает, таким образом, его двойное смысловое измерение. С одной стороны, языковые факты конструируются, т. е. целиком зависят от утверждаемой (зачастую интуитивно принимаемой) аксиоматики, и в этом смысле «подвисают» в отношении их «фактично-

сти»; с другой – язык настолько многогранен, «разносторонен» и/или подвижен, что позволяет различать (неопределенное) множество «точек зрения» на его основоустройство. Как замечает Л.С. Липавский, «...нигде факты не подтасовываются с такой легкостью, как при исследовании слов. Недаром существовавшие во все времена фантасты и доморощенные философы влеклись к этому занятию» [5. С. 292]. Латинское *factum* буквально значит «свершившееся»; всегда-уже-свершившимся языковым фактом является *слово*, поскольку понимание и смысл фактом своего присутствия в языке целиком обязаны слову. – *Единичному множественному* в терминологии Ж.-Л. Нанси.

В структурной лингвистике Ф. де Соссюра слово определяется как языковой знак и задает комбинаторное – ассоциативное – отношение между означающим (акустическим образом) и означаемым (понятием). Так ассоциативность противопоставляется предметности: представлению о языке как номенклатуре – списку имен вещей мира. Онто-лингвистическая концепция Л.С. Липавского также предьявляет слово в перспективе отправной точки исследования, но иначе. Небезынтересно, что первая работа Соссюра, принесшая ему известность («Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках») посвящена исследованию утраченных гласных, Липавский же в «Теории слов» обращается к согласным, называя их «теми семенами, из которых выросли первые слова языка» [5. С. 254]. В этом смысле «Теория слов» Липавского может быть названа «Мемуаром о первоначальной системе согласных в русском языке».

Та или иная «точка зрения» *на* что-либо, включая язык, возникает при дистанцировании от того, что открывается как ее «визуальное поле». Ж. Делез в курсе лекций о Г. Лейбнице, эксплицируя лейбницеvский концепт «точки зрения», говорит: «Необходимо, чтобы каждый субъект, каждое индивидуальное понятие субъекта включало тотальность мира, выражало этот тотальный мир – но с определенной точки зрения» [2. С. 31]; «...к чему клонит Лейбниц. Он собирается сказать: да-да, каждое индивидуальное понятие выражает тотальность мира, но с определенной точки зрения. А что это означает? Насколько это небанально, если рассуждать в дофилософских терминах, настолько мы уже не можем остановиться. Это заставляет нас продемонстрировать, что то, что составляет индивидуальное понятие как это, есть точка зрения. И что, стало быть, точка зрения глубже, чем тот, кому она принадлежит. Надо полагать, что в глубине всякого индивидуального понятия располагается точка зрения, индивидуальное понятие определяющая. Если хотите, субъект вторичен по отношению к точке зрения» (Там же. С. 31-32); «...Что делает меня мной, так это точка зрения на мир. Лейбниц не сможет остановиться, необходимо, чтобы он дошел до такой теории точки зрения, когда субъект конституируется точкой зрения, а не точка зрения – субъектом... Анализ точек зрения как достаточного основания субъектов – вот достаточное основание субъекта. Индивидуальное понятие – это точка зрения, с которой индивид выражает мир... Именно точка зрения эксплицирует субъект, а не наоборот» (Там же. С. 32); «Но кто определяет эту точку зрения? Лейбниц говорит: поймите, каждый из нас выражает тотальность мира, только выражает он ее смутно и запутанно. Смутно и запутанно – что это означает в лексиконе Лейбница? Это означает, что хотя в нем и существует тотальность мира, но лишь в форме малого восприятия... Я выражаю весь мир, но смутно и беспорядочно, словно некий плеск» [Там же. С. 33]; «Все индивиды выражают тотальность мира смутно и беспорядочно. Тогда что отличает одну точку зрения от другой? В противоположность только что сказанному существует небольшая часть мира, которую я выражаю ясно и отчетливо, и у каждого субъекта, у каждого индивида есть своя малая часть мира – в каком смысле? Именно в том весьма определенном смысле, что эту малую часть мира, которую я выражаю ясно и отчетливо, все остальные субъекты выражают тоже, но смутно и беспорядочно. То, что определяет мою точку зрения, подобно своего рода прожектору, который во мраке смутного и запутанного мира сохраняет ограниченную зону ясного и отчетливого выражения. Сколь бы ничтожными мы ни были, сколь бы незначительными мы ни были, у нас есть наша малая «ерунда», даже у мелких насекомых есть свой малый мир: они выражают ясно и отчетливо какие-то пустяки, но своя малая порция у них есть. Персонажи Беккета – это индивиды: всё запутанно, какой-то шум, они ничего не понимают, они идиоты; а великий шум мира есть. Сколь бы жалкими они ни были в своей клоаке, а малая зона существования у них есть. Это то, что великий Моллой называет “мои пожитки”. Он не двигается, у него есть какой-то крюк, и в радиусе одного метра он таскает этим крюком разные штуковины, свои пожитки. Вот ясная и отчетливая зона, которую он выражает. И каждый из нас – там. Но наша зона – более или менее крупная, и в этом еще нельзя быть уверенным, но зоны никогда не бывают одинаковыми. А из чего создается точка зрения? Она зависит от пропорции региона, выражаемого индивидом ясно и отчетливо, по отношению к тотальности мира, выражаемой смутно и беспорядочно. Вот она, точка зрения» (Там же. С. 34).

Точка зрения, ясно и отчетливо высвечивающая определенный регион мира, при взгляде на язык производит ту же операцию. Это в полной мере относится к лингвистике, ее разделам (фонология, морфология, синтаксис, семантика и др.), подразделам (фонетика, грамматика, лексикология и др.) и множеству ответвлений, связывающих лингвистику с другими науками (психолингвистика, социоллингвистика и т.д.). Философский взгляд на язык проецирует иную «точку зрения», а именно ту, что он творит/созидает концепты. Причем философские концепты зачастую возникают при обращении к вопросам и/или проблемам, которые лингвистика прилежно обходит стороной (либо передоверяет другим наукам). И, прежде всего, это вопрос о происхождении языка, т. е. проблема глоттогенеза. Не решаемая – неразрешимая – в рамках лингвистики (и не только лингвистики), проблема генезиса языка обретает в философской рефлексии статус производящего и производимого конструкта *Regretuum Mobile*. Иначе, вопрос о происхождении языка возвращает мышлению *желание* мыслить, целиком погружая его в ту среду, где оно возникает, различается и производит собственные смыслы.

Таким образом, первый заявленный тезис Ж. Делеза – «всесилие языка состоит в том, чтобы говорить о словах» – готов уступить свое место второму: «Именно языку надлежит одновременно и устанавливать пределы, и преступать их» [3. С. 25.]. Высказанная Ж. Делезом мысль чрезвычайно близка, по существу, граничит с позицией, занимаемой М. Хайдеггером, его «точкой зрения» на язык.

Хайдеггеровский концепт *экзистирующего присутствия* выражает открытость, или непотаенность (*αλήθεια*), истины человеческого существования, даруемой языком. Будучи *языковым существом*, человек, присутствуя в мире, распознает себя и мир в языке, проговаривающем собственные смыслы через человека: бытие-в-мире есть бытие-в-языке. Смысл неотделим от понимания, движение или длительность которого раскрывается в троичной структуре временности, когда (и всегда уже) одновременно – со-бытийно – прошлое *от-*ступает, будущее *вы-*ступает, а настоящее *на-*ступает «здесь-и-теперь» (*Dasein*, или «вот-бытие»). – «Временность временится как бывшее настоящим будущее» [1. С. 379]. И поскольку событийность *Dasein* укоренена в языке, тождество бытия и времени («*Sein und Zeit*») трансформируется в тождество бытия и языка. По мысли Хайдеггера, язык могущественнее, важнее нас, опережает, превышает наше существование, и потому его *индивидуальным понятием* оказывается понятие Дара.

Это то самое «индивидуальное понятие», о котором говорит Ж. Делез. То есть понятие Дара, как «индивидуальное понятие субъекта», «включает тотальность», или определяет существо языка, но с определенной – хайдеггеровской – точки зрения. Однако оно не является конечным. Дар требует отдаривания, следовательно, подлинным Даром может быть только дар, исключаящий возможность отдаривания, т. е. дар анонимный. Анонимность есть условие возможности безвозмездного дарения. Казалось бы, всё сходится, язык – действительно и/или во всех смыслах дар анонимный, его даритель неизвестен. Но, с другой стороны, даже анонимный дар не должен исключать возможность отказа от него, – насильственный дар нивелирует понятие Дара. И, тем не менее, язык – это анонимный дар, исключаящий возможность отказа от него: однажды начав говорить, мы вынуждены говорить до конца, соответственно, однажды начав мыслить, мы также вынуждены мыслить до конца. Поэтому Хайдеггер переходит к следующему предельному понятию, дальше которого пойти невозможно. Язык – это наша Судьба, превышающая в греческой традиции власть богов. Отсюда сдержанное отношение Хайдеггера к Богу и богам. Даже греческие боги подвластны Судьбе. Известное изречение Клеанфа – в переводе Сенеки – гласит: *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*.

Согласно концепту «Теории слов» Липавского, *судьба*, *суд* и *суть* – слова одного рода (правило первой согласной). Судьба судит, суд ищет суть, т.е. определяет истину. Каково же значение истины? «ИСТИНА и ПРАВДА, – пишет Липавский, – синонимы, но происходят они от совершенно разных смысловых линий; ПРАВДА происходит от ПЕРЕТИ – ПРИВИТИ, что значит – «стремить, толкать, ударять, давать направление», откуда ПРАВИЛЬНЫЙ – в заданном, надлежащем направлении, соответствующий, и ПРАВИЛО – заданное стремление, направление, ПРАВОТА и ПРАВДА – соответствие нужному, верному направлению, ИСТИНА же происходит от ИСТЫЙ, ИСТО, что значило «внутренний», откуда, например, др.-русские слова ИСТО – почки, тестикулы и ИСТОБА, ИСТБА, давшее начало нашему ИЗБА – внутренность, укрытое место, жилье («войди в избу» говорят стоящему на крыльце или в сенях). Обычное толкование в языкознании, что ИСТБА, ИЗБА происходит от ИСТОПИТЬ, конечно, неверно. Кроме того, ИСТИНА употреблялась еще в смысле «капитал» в противоположность процентам, т.е. основная, внутренняя часть капитала, его, так сказать, сердцевина. ИСТИНА значит «внутренность, настоящая, подлинная сущность»» [5. С. 280-281].

В отношении лингвистики и, в частности, сравнительного языкознания Липавский отмечает, что, как ни странно, лингвисты не задаются вопросом о происхождении языка: «...они не предлагают ничего. Ограничившись несколькими замечаниями о том, что язык создан, вероятно, из звуков, связанных с работой, а быть может, частью из звукоподражания, языковеды спешат поскорее уйти от этого вопроса и уже не возвращаться к нему. Это так вкоренилось, что самый вопрос о происхождении языка и исходных первоначальных слова молчаливо признан каким-то неприличным вопросом, а занятия в этом направлении чем-то смешным и жалким, вроде попытки построить перпетуум мобиле. Для современной науки о языке не существует самого вопроса об истории значений: она считает, что нынешний ассортимент понятий единственный возможный, он существовал в готовом виде всегда, разве что в более урезанном виде прежде» [5. С. 291]. Но «в основе этого отвращения языкознания к вопросу, который, казалось бы, должен бы стоять в центре его работ» лежит не только упомянутое представление, но и некое чувство: «Это чувство хотя и не осознанно, но весьма сильно: это – осторожность, почти инстинктивная боязнь беспочвенных спекуляций. Эта боязнь понятна: нигде, пожалуй, материал не бывает так податлив, так услужливо подтверждающим любую гипотезу, как в языке. Ведь букв в языке всего пара десятков, а звуко сочетаний много сот тысяч; звуки могут переходить друг в друга, значения все связаны между собой самыми на вид разнообразными способами, так что можно соединять их нитями и так и так...» (Там же. С. 292). И далее: «Чтобы уберечься от спекуляций, языковеды отказываются вообще от какого-либо руководящего принципа. Они стараются только подмечать факты, считая, что факты в конце концов приведут к правильным общим выводам. Недостаточность проникновения вглубь материала они стараются возместить шириной привлекаемого материала. Современное языковедение недаром зовется сравнительным: оно изучает факты одного языка, сравнивая их с фактами других языков» (Там же).

Однако «никакое сравнение не может само по себе дать объяснения. Оттого, что русскому ОГОНЬ соответствует санскритское АГНИ и латинское ИГНИС, не становится понятным, как произошло это слово в том, другом или третьем языке. Понятно поэтому, что языковеду доставляет удовлетворение, когда эту непонятную связь, это сходство он может истолковать как самую обычную для человеческого ума связь – причинную. Делается это двумя путями: либо все эти сходные слова считаются за производные от какого-то неизвестного слова более раннего языка; либо, что еще проще, считается, что одно из этих сходных слов произошло от другого, изучаемый язык заимствовал это слово из другого, слегка видоизменив его. Хотя, собственно говоря, и такое толкование не вскрывает механизма возникновения слова, но оно зато отодвигает вопрос об этом, дает иллюзию объяснения. Поэтому, верно, языковеды и склонны так видеть всюду заимствование. Кажется, что ими движет при рассмотрении любого языка стремление доказать, что все его слова произошли из слов другого языка» [5. С. 292-293]. И далее: «Пока законы языка чувствуются, введение чуждого, не входящего в общую ткань языка слова так же невозможно, как невозможно, скажем, для механика всунуть в машину кочергу потому только, что она также железная и валяется тут рядом. Или – как невозможно пчеле спутать бумажный цветок с настоящим. Пчела узнает цветок по запаху. И человек, пока язык для него не омертвел, воспринимает слово по его интимной связи с другими словами этого языка, как бы по его родовому запаху. Чужое слово поэтому не воспринимается вообще как речевой элемент, оно такой же не имеющий отношения к речи звук, как скрип двери или тиканье часов. Теория слов отрицает какое бы то ни было существенное значение заимствований для языка. Заимствование начинается только на более поздних стадиях и, так сказать, на периферии языка, в специальных областях, где слова раньше всего начинают восприниматься как термины. В одном только случае чуждое слово легко может войти в язык, стать своим: когда слово-приемыш случайно подходит по своему звуковому составу к соответствующему языковому ряду, совпадает с возможным, но еще не реализовавшимся словом в данном языке. Но тогда это будет собственно не заимствование, а создание под влиянием внешнего толчка нового слова по законам этого языка» (Там же. С. 293-294).

По мысли Липавского, ключом к семантическому многообразию языка служит треугольник исходных значений: *тянуть(ся)*, *стремить(ся)*, *хватать(ся)*. Он «означает, в конечном счете, энергию. Поэтому в языке легко образуются слова, означающие большую степень энергии, и трудно те слова, которые означают малую степень энергии или отсутствие ее» [5. С. 285]. «Треугольник исходных значений» – это «индивидуальное понятие» Липавского, его концепт, его «точка зрения» на языковое единство и имманентные языку силовые линии; они «затвердевают» в согласных, но имеют свое продолжение в гласных. Поэтому каждое слово – это *своего рода* сгусток энергии, определяющий и сохра-

няющий весовое соотношение слова. И эти же силовые линии *гипотетически* могут названы универсальными, – определяющими как бытие природы (заданной в тождестве природы творящей и природы сотворенной), так и бытие мышления. Почему гипотетически? – Треугольник исходных значений имеет бесконечную площадь приложения и позволяет назвать в мире *всё*. – «Но это совсем не значит, что все, что есть в мире, одинаково легко и удобно назвать, исходя из этого треугольника значений» (Там же. С. 282). Поэтому первоочередно они характеризуют *мышление языка, его средоточие*.

Наконец, место второго заявленного тезиса Ж. Делеза – «именно языку надлежит одновременно и устанавливать пределы, и преступать их» – занимает третий: «Язык либо дан весь целиком, либо его нет вообще» [4. С. 81.]. Тогда в какой временной перспективе способен (мог) возникнуть язык?

Язык всегда-уже «дан», разворачивается в настоящем, но также представим в ретроспективе прошлого и перспективе будущего. Однако вопрос о происхождении языка затрагивает ретроспективу его прошлого и пытается дотянуться до того «начала», с момента которого язык начинает существовать. В онтологическом аспекте таким началом может выступать Бог либо природа. Антропологическая и этнологическая возможности исключаются по причине того, что сами они (всегда) реализуются лишь в перспективе их лингвистической актуализации. Следовательно, Бог либо природа. Природа также исключается уже постольку, поскольку сигнальные системы растительных, насекомых и животных видов не предполагают необходимости перехода (ни эволюционного, ни революционного) на принципиально иной – символический – уровень обмена смыслами. Остается Бог. Тогда библейская – христианская – традиция вновь задействует временную перспективу, где само время касается вечности, а вечность – времени. Вечность принадлежит Богу-Отцу, или Бог-Отец принадлежит Вечности; Бог-Сын принадлежит времени, и, принося благовест, «преломляет» время, начиная его новый отсчет; Бог-Дух святой и принадлежит, и не принадлежит и вечности, и времени, поскольку *мгновенно* «прокалывает» вечность и/или пронизывает время. Парадоксально, но логически (т.е. логически это, безусловно, парадоксально) язык мог возникнуть, возникает – дается весь целиком – лишь мгновенно. Тео-логически – в библейской традиции – он так и возникает, или возникает только так, и никак иначе возникнуть не может, не способен. Однако при этом необходимо иметь в виду, что сама теологическая перспектива возникновения языка целиком вписана в языковой континуум, чья субстанция бесконечно производит собственные смыслы, конструкты и структуры, но всегда производит их с определенной «точки зрения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
2. Делез Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
3. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
4. Делез Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. Вступит. статья И.П. Ильина. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998 (Французская философия XX века).
5. Липавский Л.С. Теория слов // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 254-320.
6. Шадрин А.А. Сопредельные миры чинарей. Герменевтика концепта «Теории слов» Л.С. Липавского. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2016.

Поступила в редакцию 17.10.17

A.A. Shadrin

THE CONCEPT OF “POINT OF VIEW” IN THE PERSPECTIVE OF A QUESTION OF THE LANGUAGE GENESIS

The article deals with the linguistic and onto-linguistic (L.S. Lipavsky) «points of view» on the basis of language in the aspect of the problem of glottogenesis. The concept of a linguistic fact is analyzed. Its double meaning dimension is explicated. The linguistic and philosophical notions of linguistic unity are juxtaposed. Deleuze's interpretation of the Leibnizian concept of the “point of view” is involved. Onto-linguistic concept of “Theory of Words” by L.S. Lipavsky is included in the dialogue with “point of view” on the autonomy of the language by J. Deleuze and M. Heidegger. The linguistic continuum is conceived as a self-sufficient autonomous entity, the substantial unity of which corresponds to the spinosistic postulate of the identity of the nature as the creative (*natura naturans*) and the nature as the created (*natura naturata*). The framework of the article is composed of three theses of J. Deleuze: “The omnipotence of the lan-

guage is to speak about words", "it is precisely the language that must simultaneously establish the limits and transgress them" and "the language is either given entirely or not at all".

Keywords: language, language fact, concept, "point of view", "individual notion", construct, glottogenesis, "triangle of initial values", "lines of force", energy, gift, destiny.

Шадрин Алексей Анатольевич,
кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: shadrin1971@gmail.com

Shadrin A.A.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of Philosophy and Humanities
of Institute of History and Sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: shadrin1971@gmail.com